

Александра Архипова. *Радио ОБС, птица Обломинго и другие языковые игры в современном фольклоре.* М.: Форум, 2015. 172 с.

Монография А.С. Архиповой, широко известной своими предыдущими публикациями о современных формах фольклора, посвящена явлениям, которые она относит к языковой игре, но которые вполне укладываются в традиционную категорию каламбура (само слово не использовано в работе ни разу). Недостаточное теоретическое осмысление изучаемого явления сказывается на характере систематизации отдельных фактов и определении его исторических корней. Как представляется, каламбур — это явление не современного фольклорного сознания, а одно из важнейших условий существования языка. К сожалению, эти вопросы не получили в монографии должного освещения.

Ключевые слова: языковая игра, каламбур, сложносокращенное слово, аббревиатура, полисемия.

Новая книга А.С. Архиповой производит странное впечатление. Книга посвящена каламбуру как явлению народной культуры, но само слово *каламбур* не встречается в ней ни разу. И добро бы А.С. Архипова не знала его! Но она знает и использует это слово в названии одной из своих статей, материалы которой частично вошли в книгу [Архипова 2007]. Рецензент усиленно думает: почему же его нет в книге?

Повторим общеизвестное: каламбур — это языковая игра, основанная на объединении в одном тексте разных значений одного слова (полисемия) или разных слов / словосочетаний, тождественных или сходных по звучанию (омофония). Но можно заменить старое слово *каламбур* относительно новым выражением *языковая игра* по старому и хорошо известному принципу: «Он был монтером Ваней, но в духе парижан себе присвоил званье электротехник Жан» или «Мои отсталые родители дали мне пошлое имя Федор, а я переименовал его и называюсь теперь красивым заграничным именем Альфред». После этой замены получится тоже правильно: языковая игра предполагает, как теперь принято говорить, «плюрализм разных смыслов». Из этого со всей неизбежностью следует, что языковая игра и каламбур — это близнецы-братья, различать

Михаил Викторович Строганов
 Московский государственный
 университет дизайна
 и технологии
 mistro@rambler.ru

которые необходимо в целях точного понимания того, о ком из братьев идет речь. Классификацию каламбуров (не самую стройную) и краткий список литературы, из которого А.С. Архипова учитывает только одно издание [Санников 1999], см. хотя бы в энциклопедии «Кругосвет» <http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/KALAMBUR.html?>. (Впрочем, список цитируемых источников у нашего автора и без того большой.) Вот и думает рецензент: почему каламбура нет в книге?

Автор вступительного слова к книге пишет: «Книга Александры Архиповой, безусловно, относится к редким и ярким научным явлениям в гуманитарной области. Ее ценность определяется несколькими соображениями. Во-первых, огромный интерес представляет сам предмет исследования: несколько типов языковых игр, активно используемых в коммуникации на русском языке и вошедших в языковую культуру, или, как говорит автор, в современный городской фольклор. По существу, мы имеем дело с необычайно живой речевой субстанцией, которая создается на наших глазах, бурлит и меняется, а главное, провоцирует читателя забыть о научных целях и наслаждаться языковой игрой как таковой. Однако и во-вторых, самому автору удастся избежать подобного искушения и остаться в рамках академического исследования»; «Смелость Александры Архиповой в выборе материала <...> поддержана упорством и спокойной объективностью ученого» (С. 9). Я возражу автору этой вступительной заметки: А.С. Архипова рассматривает не несколько, а только два типа каламбура, а из общего определения его ясно, что их только два и есть (выделение всех остальных типов — результат непоследовательности авторов). Первая часть книги «Между аббревиатурой и текстом» посвящена языковой игре, основанной на полисемии аббревиатур и таких близких к ним явлений, как инициалы и сложносокращенные слова. Возьмем слово *СССР*: высокое значение ‘Союз Советских Социалистических Республик’ задано государственным официозом, низкое значение ‘Сталин Срал Среди Развалин’ подвергает этот официоз осмеянию. Вторая часть книги «Имена-имитаторы и псевдоэтнические наименования» посвящена второму типу языковой игры, основанной на омонимии и ее видах, как анекдоты о Штирлице, который, как известно, стрелял в слепую / вслепую. То есть с каламбуром у А.С. Архиповой все как у людей, только его самого почему-то нет. И рецензент начинает, сам себе не веря, прозревать: неужели?

Однако чем дальше рецензент двигался по тексту книги, тем все увереннее это *неужели* превращалось в *ужели да*. Вставьте в книгу слово *каламбур*, и напутное слово коллеги уже не смо-

жет быть таким пафосным. О какой смелости в выборе материала, о каких упорстве и спокойной объективности ученого может идти речь, когда чуть не сто лет назад была опубликована замечательная книга [Крученых 1924]? Ее, кстати, вывесили в сети, и в библиотеку ходить не надо — дома читай. Но и после А.Е. Крученых появилось большое число работ о каламбуре как речевой практике, так что особой новизны в теме книги нет.

Рассмотрим теперь подробнее первую часть книги. А.С. Архипова полагает, что в случае с аббревиатурой «мы для получения смысла движемся от аббревиатуры к тексту», а «противоположный случай» — это «когда для получения смысла необходимо сделать аббревиатуру из уже имеющегося текста». Первый случай мы уже рассмотрели (*СССР*). Второй случай А.С. Архипова подробно анализирует на примере *Софьи Власьевны* и *советской власти*: «Знающий должен был проделать следующую операцию: из этого типового имени-отчества сделать аббревиатуру СВ, которая должна в свою очередь расшифровываться как “Советская власть”» (С. 29). Однако эта процедура слишком сложна и едва ли соответствует действительности. Для адекватного восприятия *Софьи Власьевны* надо просто знать, что она и есть *советская власть*, потому что у них общие инициалы СВ. Для адекватного восприятия слова *СССР* необходима конвенциональная договоренность между участниками речевого акта. Ну и в чем разница? Если и есть разница между случаями *СССР* и СВ, то она в том, что расшифровки аббревиатуры *СССР* (и та, которую мы привели, и подобные ей) никогда не записывались и только шептались. А вот Софью Власьевну можно было (хотя и с большим риском) упомянуть: как и Жозефина Павловна, Софья Власьевна никого не обманывала, но позволяла прикинуться лохом — нам известны издания, где Жозефина Павловна была названа «лицом неустановленным». А.С. Архипова совершенно справедливо замечает, что дезаббревиация (развертывание аббревиатуры в предложение) «легко порождает анекдотические тексты» (С. 29), при этом она странным образом не делает другого, еще более важного наблюдения. Дело в том, что официальное толкование аббревиатуры всегда номинативно, неизменно является именем, а народная расшифровка аббревиатуры всегда (как минимум почти всегда) предикативна, является высказыванием. Иначе говоря, в официальном дискурсе *СССР* — слово, а в народном дискурсе оно оказывается предложением (слово в функции предложения). И точно так же, как предложения, могут расшифровываться не аббревиатуры, а просто слова (но обычно личные имена) *Ленин*, *Троцкий* (С. 32). А.С. Архипова зачем-то различает развертывание слова в предложение (бэкроним)

и развертывание аббревиатуры в предложение (дезаббревиацию). Ни к чему это различие, кажется, не ведет и только термины громоздит.

В начале той же первой части книги А.С. Архипова поднимает важнейший вопрос — о причинах, которые породили в после-революционный период тотальную «аббревиатизацию» всей страны (С. 18–26). Никаких решений она не предлагает, да никаких социальных причин для такого имманентного процесса, каким является история национального словообразования, придумать нельзя, да и не стоит. Но внутренние причины, которые побудили не носителей языка, а сам русский язык пойти по пути такого словообразования, выяснить необходимо. Как нам кажется, не последней в числе таких причин была все усиливавшаяся тенденция к осознанию конвенциональности общения. Вследствие этого во второй половине XIX в. появились сокращения (аббревиация) союзов и некоторых второстепенных членов предложения: *т.е.*, *т.к.*, *т.д.*, *т.п.* и т.д. Н.К. Пиксанов, издавая в 1928 г. исследование по истории текста «Горя от ума», решил название комедии Грибоедова писать аббревиатурой: *Г. о. у.* — в целях «экономии времени и места» [Пиксанов 1971: 11]. Никакой особенной экономии это не давало, но зато прекрасно демонстрировало свойственную эпохе культурную тенденцию сокращать все и везде. На этом фоне особое значение приобретает и «домашний» эксперимент Л. Толстого с его знаменитой формулой *Е. б. ж.* А.С. Архипова пишет об этом эксперименте Толстого точно, но кратко, в то время как материал требует более обстоятельной проработки.

Одна из главных слабостей рецензируемой книги состоит в том, что А.С. Архипова считает описываемое ею явление не только актуальным (что совершенно справедливо), но и новым, недавно возникшим (что, конечно, неверно). Автор книги время от времени указывает, что то или иное явление возникло до XX в., но общая тенденция исследования состоит в том, чтобы занизить возраст каждого из явлений. Например: «традиция переделывать русские фамилии в “китайские” в публицистике сложилась уже к концу 1930-х годов, а потом только была усилена событиями в Корее и во Вьетнаме» (С. 139). Между тем В.Г. Белинский уже 1840 г. был знаком с Дзун-Кин-Дзыном [Белинский 1954: 313], которого граф А.К. Толстой в 1869 г. звал Цу-Кин-Цыном [Толстой 1969: 397–398]. То есть явление лет на сто постарше, а если основательнее поискать, то и еще сто лет прибавится.

Сюда же А.С. Архипова называет «детской загадкой» (С. 34) каламбур *Где Наполеон? — На поле он.* Между тем С.Н. Глинка вспоминал стишок, распространенный в обществе в 1812 г.:

Велик На-по-ле-он (то есть: на поле);

Бог-ра-ти-он (то есть: вождь побед) [Глинка 1987: 487] (ср.: [Записки 1895: 232]).

Известно, что словесная игра в салонной культуре русского дворянства рубежа XVIII—XIX вв. восходит к словесной игре французских салонов. Если учесть эту традицию, то исторический генезис каламбуров с *Наполеоном* и *Багратионом* станет еще очевиднее. Это не отменяет того факта, что данный каламбур снова в детском репертуаре как минимум уже в 1960-е гг.: «На поле он косил траву, когда поля кипели соловьями / Наполеон косил траву, когда поляки пели соловьями». Но первая фиксация в письменном источнике: [Франк-Каменецкий 1983: 63]. Обычное явление для детского фольклора, который сохраняет в себе все, что выходит из употребления в обиходе взрослых.

Вообще все эти явления: и «плюрализм языковых смыслов», и языковая игра, и каламбур — мало того что архаичны, они включают в свое пространство и не собственно вербальные явления. Радуга (не слово, а явление из семи цветов) подвергается двум расшифровкам. Официальная номинативная: *красный — оранжевый — желтый — зеленый — голубой — синий — фиолетовый*. Неофициальная предикативная: *Каждый охотник желает знать, где сидит фазан* (известны и варианты). Каламбурный характер имеют и рисунки-шарады. Все помнят детскую игру-задание — записать в семь клеточек фразу «У сторожа лопнули порточки». Ее решение: [у] — [100] — [рисунок, изображающий *рожу*] — [рисунок, изображающий *лоб*] — [рисунок 'нули': 000] — [рисунок, изображающий *пар*] — [рисунок 'точки': ...]. Вы как хотите, а ведь это тоже языковая игра, тоже каламбур. Если угодно, как каламбур можно рассматривать и названия букв древнейших алфавитов, и семантику иероглифов. То есть явление, которое стало предметом описания в книге А.С. Архиповой, гораздо объемнее и требует гораздо большей исторической перспективы. В противном случае чтение книги становится делом веселым, занятым и — научно бесперспективным. Хорошо, когда наука весела, но надо все же, чтобы она оставалась наукой.

Есть, к сожалению, в книге и частные ошибки. Перечислю не все, но некоторые. Противопоставляя «новый фольклор» и его исследователей 1920-х гг. «целой плеяде традиционных фольклористов», А.С. Архипова относит к последним и братьев Б.М. и Ю.М. Соколовых (С. 12), которые, однако, активно изучали блатной фольклор, жестокий романс, частушку; см. хотя бы: [Соколов 1932]. Объясняя каламбур со словом *кубист* — «ученый, получающий пособие от комиссии по улучшению быта ученых», А.С. Архипова пишет, что «эта комиссия

сокращенно называлась КУБ» (С. 33). Между тем ее настоящее название — ЦЕКУБУ (*Центральная комиссия по улучшению быта ученых*), поэтому словообразовательная модель выглядит несколько иначе. Рассказ «Жидовская кувырколлегия» написал не Н.А. (С. 68), а Н.С. Лесков. Все это, конечно, мелочи и частности, но по гамбургскому счету (а профессионалов судят по гамбургскому счету) *ЦЕКУБУ* должна быть на слуху, равно как и *Семенович* в сочетании с *Николаем Лесковым*.

Автор же книги — профессионал, и я это понимаю очень ясно и признаю с удовольствием. Именно поэтому мне непонятны и печальны и резво скачущие блохи, и притаившиеся вши. По сути, конечно, книжка очень интересная, написана легко, читать ее приятно. Материал собран большой и даже как будто систематизирован. Все хорошо. Но что тянет меня к общему столу с медом со своей ложкой дегтя? Попробую пояснить на последнем примере.

Из двух ныне признанных терминов *табуирование* и *табуизация* я бы выбрал первый, а не второй, как автор книги, у которой заголовок раздела звучит так: «Языковая игра как прием табуизации в советской лексике» (С. 82). Я сперва застрял на *табуизации*, потом смирился с ней, но вследствие этого стал вдумываться в заголовок. И теперь я прошу читателя присмотреться к этому заголовку и ответить мне на вопрос, правильно ли я его понял: языковая игра является приемом табуирования (чего-то) в русской лексике советского времени? Для меня даже *прием табуирования в лексике* (зачем: в лексике? — знамо, не в морфологии) звучит как-то не так: то ли псевдонаучно, то ли не по-русски. Для меня вряд ли правильно построен оборот *языковая игра как прием*, зане языковая игра заведомо спонтанна и не может быть приемом. Нет, что-то тут не так. Если это так, то придется согласиться, что слово *медведь* появилось в результате языковой игры как приема табуизации в праславянской лексике.

Профессионал должен просто и ясно назвать вещи своими именами и удивить читателя тем, что все по сути-то просто, только вот читатель этого до сих пор не понимал. Если же читатель должен совершить умственное напряжение, чтобы понять название «Языковая игра как прием табуизации в советской лексике», то книга произведет на него странное впечатление.

Источники

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 4. 675 с.

Глинка С. Из «Записок о 1812 годе» // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М.: Правда, 1987. С. 394—491.

Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб.: Изд. журнала «Русская старина», 1895. 380 с.

Пиксанов Н.К. Творческая история «Горя от ума». М.: Наука, 1971. 400 с.

Толстой А.К. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Правда, 1969. Т. 1. 670 с.

Франк-Каменецкий М.Д. Самая главная молекула. М.: Наука, 1983. 160 с.

Библиография

Архипова А.С. Штирлиц подвел итоги... Особенности возникновения каламбуров в кинозависимых анекдотах // Арутюнова Н.Д. (ред.). Логический анализ языка. М.: Индрик, 2007. С. 475–498.

Крученых А.Е. 500 новых острот и каламбуров Пушкина. М.: Изд. автора, 1924. 71 с.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999. 544 с.

Соколов Ю.М. Русский фольклор. Вып. 4: Частушки. Мещанские и блатные песни. Фабрично-заводской и колхозный фольклор. [М.]: Центр. ин-т повышения квалификации заочников нар. образования, 1932. 112 с.

Михаил Строганов

Review of Alexandra Arkhipova, *Radio OBS, ptitsa Oblomingo i drugie yazykovye igry v sovremennom folklore* [Radio OBS, Bird Oblomingo and Other Language Games in Modern Folklore]. Moscow: Forum, 2015, 172 pp.

Mikhail Stroganov

Moscow State University of Design and Technology

6 Khibinsky pr., Moscow, Russia

mistro@rambler.ru

The monograph of Arkhipova, who is well-recognised as the author of a range of publications about modern folklore's forms, is concerned with the facts she designates as the language game, but which do not stay fairly within the traditional category of the calembour (though this word was not used in the work). The absence of a theory that might explain this phenomenon impacts the arrangement of certain facts and the search for its historical roots. It appears to be, calembour, or pun, is a phenomenon of no modern folklore's view, but it is just one of the most important conditions for the language's existence. Unfortunately, the author did not interpret these issues in her work.

Keywords: language game, calembour, abridgement, abbreviation, polysemy.

References

- Arkhipova A. S., 'Shtirlits podvel itogi... Osobennosti vozniknoveniya kalamburov v kinozavisimyykh anekdotakh' [Shtirlits summarized... The Origins of Calembours in Film Dependent Jokes], Arutyunova N. D. (ed.), *Logicheskiy analiz yazyika* [Logical Analysis of Language]. Moscow: Indrik, 2007, pp. 475–498. (In Russian).
- Kruchenykh A. E., *500 novyykh ostrot i kalamburov Pushkina* [500 New Jokes and Calembours by Pushkin]. Moscow: Author's publication, 1924, 71 pp. (In Russian).
- Sannikov V. Z., *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry* [The Russian Language as Reflected by a Language Game]. Moscow: Yazyiki russkoy kulturyi, 1999, 544 pp. (In Russian).
- Sokolov Yu. M., *Russkiy folklore* [Russian Folklore], no. 4. [Moscow]: Tsentr. in-t povysheniya kvalifikatsii zaochnikov nar. obrazovaniya, 1932, 112 pp. (In Russian).